

Прозвенел телефон, и в трубке она услышала его сильный голос — голос, который привык отдавать приказы.

Это был её муж, и он сообщал, что едет домой прямо с передовой. У него всего четыре часа. Четыре часа и ни минутой больше.

Она представить себе не могла, что успеет сделать за эти четыре часа? Хотя... нет, она отлично это знала. Прежде всего, она нежно его поцелует. Потом поможет снять пыльную одежду и тяжёлые сапоги,

наполнит ему ванну и приготовит еду... То, что он любит — свежий хлеб и блюдо из баклажанов... А после того, как он поест, она опустит голову ему на грудь и он станет нежно перебирать пальцами её волосы... Ему нравятся её волосы... Может быть, ещё есть время сбегать в парикмахерскую?... Нет, пожалуй, просто сама расчешет их. А потом она будет слушать его рассказы... рассказы о бомбах и пулемётных очередях, которые могли его ранить... И прежде, чем он закончит говорить, она

услышит, как с привычным смешком он произнесёт: «На этот раз я возьму тебя с собой на фронт. Я не могу тебя оставить. Там нужны медсёстры и все берут с собой жён, которые могут помочь в трудный час... Что скажешь?»

Но прежде чем она успеет ответить, он наклонится и поцелует её безжалостным поцелуем, за который она отдаст ему, что угодно... А он подарит ей всю нежность, которая накопилась за время разлуки.

Да, она отлично знает, что ей следует делать в эти четыре часа, но вот что ей следует чувствовать... Каким образом человек может подчинить свои чувства воле, если у него в запасе всего четыре часа? Как казаться счастливой всего лишь этот короткий миг?

Она чувствовала себя так, будто доктор сказал ей: «Эта инъекция продлит Вам жизнь, но через четыре часа Вы умрёте».

Радоваться ли ей тому, что он вернулся? Или горевать о том, что уйдёт?

Ждать встречи или бояться прощания?

Чувствовать ли счастье от его присутствия или горе от того, что скоро она снова его потеряет?

Радоваться или страдать? Смеяться или плакать?

Раздался длинный звонок в дверь — так звонил только он. Она подбежала к двери, но на секунду застыла, перед тем как открыть её, пытаясь изобразить на лице широкую улыбку. Затем она открыла дверь и, не глядя, бросилась к нему на грудь, обвив руками шею. Она услышала знакомый смех и почувствовала, как его губы покрывают звонкими поцелуями её лицо. И тогда в первый раз она подняла на него глаза. Подняла на одно лишь мгновение и снова опустила. Но за это мгновение она увидела дорогие её сердцу глаза и тонкие губы, увидела поседевшие волосы на висках, увидела теплоту и нежность за мужественной внешностью. Она увидела всё это и не произнесла ни слова. Она чувствовала, что если заговорит, то не сумеет сказать: «С приездом! Ты вернулся...», а произнесёт: «Прощай. Пусть Бог тебя хранит».

Он вошёл в дом и с любовью оглянулся по сторонам. Она молча стояла рядом. Ей казалось, что она потерялась в огромном пустом пространстве, в котором как искры мелькают её собственные чувства. Ей чудилась глупость всего происходящего с ней... громадная глупость!

Ей нужно побороть эту глупость — пусть, наконец, разум возьмёт верх.

Ихсан Абд аль-Куддус родился в 1919 г. в Каире. Окончив Каирский университет, в течение года работал адвокатом, но впоследствии увлёкся журналистикой и литературой. Известен как автор любовно-романтических произведений. В период с 1950 по 1960 гг. он публикует более 20 романов и сборников рассказов, многократно переиздававшихся в Каире и Бейруте. Позже тематика его произведений приобретает иной оттенок — на первый план выходит идея патриотизма, любви к родине. Он автор около ста рассказов, нескольких сценариев оперетт. Умер в 1990 г.

Нужно стереть с лица эту глупую улыбку, пусть ей на смену придёт другая улыбка — живая и осмысленная. Она сделала над собой усилие, но так и не смогла произнести ни слова. И всё же улыбка на её лице приобрела смысл — притворная радость, за которой прячется эта пустота... а ещё — волнение и страх перед скорой разлукой.

Она помогла ему раздеться, наклонилась, снимая обувь, приготовила ему ванну и села вместе с ним за стол. Она делала всё это, и уже что-то говорила, а на её лице играла счастливая улыбка. Он закончил есть и сел в кресло, а она устроилась у него в объятьях. Его пальцы играли с её волосами, но... странное дело... она этого совсем не ощущала. И тело её не трепетало, как это обычно случалось, когда он обнимал её. Скорое расставание — вот, о чём она думала. Но... несмотря ни на что, она отдаст ему всю себя...

* * *

Он начал что-то рассказывать, но рассказ был недолгим. Он замолчал, и пальцы перестали играть с её волосами.

Уснул.

Уснул так крепко, как будто не спал давным-давно.

Она улыбнулась, взглянув на его закрытые глаза, затем тихонько выскользнула из его объятий, принесла одеяло и укрыла его. Она села рядом, глядя на него, как будто смотрела на драгоценность, которой владела, и которой вот-вот должна лишиться, должна подарить эту драгоценность

тем, кто богаче и достойнее, чем она сама.

Она разбудит его через два часа...

Два часа прошли, но он всё ещё спал. Он так устал от забот... Она позволит ему поспать ещё десять минут. Она приготовила его одежду и обувь... расстегнула пуговицы на рубашке... выдавила пасту на зубную щётку, чтобы позволить ему поспать на минуту или две дольше.

Но... нужно будить его. Она нежно коснулась его плеча. Затем ей пришлось настойчиво потрясти его. На её лице была самая широкая и добрая улыбка, на какую только она была способна.

Он открыл глаза.

Но прежде чем взглянуть на неё, он посмотрел на часы. Испуганно вскочив на ноги, он воскликнул: «Я страшно опаздываю!»

* * *

Он оделся, плеснул себе в лицо холодной водой, сделал пару быстрых движений зубной щёткой и взял оружие... Затем быстро пошёл к двери и только потом, обернувшись, крепко обнял её и быстро поцеловал в губы. Он отстранился и, взглянув на неё, произнёс: «Береги себя», а затем сбегал вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через четыре ступени, прежде чем услышал её ответное: «Пусть Бог тебя хранит».

Она стояла у окна и махала ему рукой, когда он, вскочив в свой джип, умчался прочь.

Она отошла от окна.

Нет, на её лице не было слёз, но

была решимость. Как будто она собиралась бороться с чем-то внутри себя самой, бороться изо всех сил.

Она принялась за работу: передвинула кресло, зашла в кухню, а потом в спальню, вымыла посуду, потом постирала что-то из одежды, а что-то заштопала. Её движения были порывисты.

Она хотела за домашними делами забыть о самой себе. Она будет работать до тех пор, пока он снова не вернётся домой.

Её молчаливый героизм — героизм многих жён, которые ждут своих мужей с поля битвы в тихой гавани семейного очага.

Перевод с арабского
А.А. Мокрушиной